

Общие вопросы психологии сновидений

Сновидения обладают психической структурой, которая отличает их от прочих элементов сознания, потому что, насколько мы можем судить по их форме и значению, они не отражают непрерывности развития, в отличие от других осознаваемых элементов. Как правило, они не воспринимаются в качестве неотъемлемых составляющих нашей сознательной психической жизни, выглядят скорее посторонними, внешними, случайными событиями. Причина такого исключительного положения сновидений кроется в их особенном способе возникновения: они появляются вовсе не из отчетливо опознаваемой, логически и эмоционально непрерывной связности опыта, подобно другим элементам сознания, но представляют собой следы особой психической деятельности, протекающей во сне. Одного только способа возникновения сновидений уже достаточно, чтобы отличать их от прочих элементов сознания; а ведь имеется еще содержание снов, которое разительно контрастирует с нашим сознательным мышлением.

Впрочем, внимательный наблюдатель несколько не затруднится установить, что сновидения все-таки не полностью выпадают из непрерывности сознания, ибо почти в каждом сновидении можно обнаружить подробности, порожденные впечатлениями, мыслями, настроениями текущего или предыдущих дней. В этом отношении сновидениям свойственна некоторая непрерывность, пусть на первый взгляд она как бы *обращена вспять*. Но всякому, кто сколько-нибудь глубоко интересуется сновидениями, совершенно очевидно, что сновидения также характеризуются *устремлением вперед* — если позволительно такое выражение, — ведь время от времени сны оказывают заметное влияние на сознательную умственную жизнь, даже у тех людей, кого никак не назовешь суеверными, тем более ненормальными. Эти следы сновидений проявляются главным образом в более или менее выраженных перепадах настроения.

Не исключено, что именно вследствие такой слабой связи с прочими элементами сознания сновидения предстают предельно нестабильными с точки зрения их запоминания. Многие сны ускользают от всех попыток их пересказать, даже тотчас после пробуждения; другие припоминаются разве что с сомнительной достоверностью; лишь сравнительно немногие сновидения оказываются вполне ясными и четко воспроизводимыми. Эту специфическую особенность возможно объяснить, исходя из характеристик различных элементов, составляющих сны. Комбинация идей в сновидениях по сути своей *фантастична*; они сочетаются друг с другом в последовательности, которая, как правило, совершенно чужда нашему

«реальному мышлению» и составляет разительный контраст логической последовательности идей, привычно воспринимаемой как специфическая характеристика сознательных умственных процессов.

Именно этим признакам сновидения обязаны появлением вульгарного определения «бессмысленные». Прежде чем выносить такой вердикт, нужно вспомнить, что сновидение и его содержание есть нечто такое, чего мы не понимаем. То есть подобным вердиктом мы попросту проецируем на объект свое непонимание. Это ничуть не означает, будто сновидениям не присущ собственный смысл.

Оставляя в стороне многовековые усилия по вычленению из сновидений пророческих смыслов, можно утверждать, что Фрейд первым предпринял успешную практическую попытку понять реальное значение снов. Его труды достойны именоваться «научными», поскольку он разработал методику, благодаря которой и он сам, и многие другие исследователи вслед за ним постигали объект, то есть раскрывали истинное значение сновидений. Важно отметить, что это значение не тождественно фрагментарным смыслам, извлекаемым из явного содержания снов.

Не будем здесь критически разбирать фрейдовскую психологию сновидений. Скорее я постараюсь кратко изложить факты, которые мы сегодня вправе трактовать как более или менее достоверно установленные в психологии сновидений.

Первый вопрос из тех, что будут обсуждаться, звучит так: на каком основании мы приписываем сновидениям какое-то иное значение, нежели то,

какое возможно почерпнуть из неудовлетворительных и фрагментарных обрывков явного его содержания? В этом отношении особенно убедительным выглядит тот факт, что Фрейд выявил скрытое значение сновидения *эмпирически*, а не *теоретически*. Следующий довод в пользу того, что сновидения имеют некое скрытое значение, проистекает из сравнения сюжетов сновидения с фантазиями в состоянии бодрствования у одного и того же индивидуума. Не составляет труда заметить, что фантазиям наяву присущи не только поверхностные и конкретизирующие значения, но также и более глубокие психологические значения. Существует очень древний и широко распространенный тип фантастического повествования, ярким образцом которого являются басни Эзопа, и этот тип наглядно иллюстрирует все слова, которые можно произнести относительно значения фантазий как такового. Например, рассказывается некая фантастическая история о поступках льва и осла. Если рассуждать поверхностно и конкретно, это повествование есть бессмысленная фантазия, но мораль, которая в нем заложена, доступна пониманию всякого, кто задумывается над этой историей. Показательно, что дети охотно довольствуются явным значением этой басни.

Пожалуй, наилучшим доводом в пользу существования у сновидений скрытого смысла будет добросовестное применение технической процедуры по истолкованию проявленного содержания снов. Тем самым мы переходим ко второму важному вопросу в наших рассуждениях, или к вопросу об аналитической процедуре. Здесь я тоже не стремлюсь ни защи-

щать, ни критиковать взгляды и открытия Фрейда; удовлетворюсь тем, что изложу твердо установленные, по моему мнению, факты. Если мы исходим из того, что сновидение является плодом работы психического, то у нас нет ни малейших оснований предполагать, будто конституция и функционирование сна подчиняются каким-то иным законам, а само сновидение по своему предназначению отлично от любого другого плода деятельности психического. Согласно изречению: «Principia explicandi praeter necessitatem non sunt multiplicanda»¹, мы должны рассматривать сновидения аналитически, в точности как любой другой психический феномен, если опыт не заставит нас изменить свой подход.

Мы знаем, что всякая психическая структура, рассмотренная с каузальной точки зрения, является результатом предшествующего взаимодействия психических элементов. Еще мы знаем, что всякая психическая структура, рассмотренная с финалистской точки зрения, обладает собственными значением и целью в текущем психическом процессе. Данный критерий должен быть приложен и к сновидениям. Потому, подыскивая психологические объяснения для сновидений, мы должны сначала установить, какие именно предыдущие состояния в них отражаются. Нам придется проследить истоки каждого фрагмента в общем сновидения. Приведу всего один пример: *пусть кому-то снится, что он идет по улице, но вдруг перед ним выскакивает ребенок, которого тут же сбивает автомобиль.*

---

¹ «Не следует умножать принципы сверх необходимого» (лат.). — Примеч. ред.

Мы редуцируем общую картину сновидения с помощью воспоминаний сновидца. Он опознает улицу как ту, по которой проходил накануне. В ребенке он узнает своего племянника, которого видел минувшим вечером, когда навещал брата. Несчастный случай напомнил ему аварию, которая случилась несколькими днями ранее и о которой он читал в газете. Как известно, большинство людей довольствуются редукцией такого рода: «Ага, — говорят они, — вот почему мне это приснилось».

Естественно, что подобная редукция с научной точки зрения совершенно неудовлетворительна. Ведь сновидец накануне ходил по многим улицам, но почему в сновидении появилась именно эта? Он прочел в газете о нескольких несчастных случаях, но почему выбрал именно этот? Если коротко, выявления какого-то одного события в прошлом явно недостаточно, поскольку убедительное объяснение образов сновидения возможно лишь через соперничество нескольких сюжетов. Накопление материала продолжается в соответствии с тем же принципом воспоминания, который называется методом свободных ассоциаций. Как следствие (это нетрудно понять), у нас накапливается обширный и крайне разнообразный материал, который, по всей видимости, не имеет между собой ничего общего, но ассоциативно связан с содержанием сновидения, иначе он никогда не проявился бы в этом содержании.

Насколько далеко нужно заходить в накоплении подобного материала — это важное техническое уточнение. Поскольку целостное психическое содержание жизни в конечном счете можно вывести из

какой-то одной отправной точки, теоретически весь предшествующий жизненный опыт индивидуума возможно обнаружить в каждом сновидении. Но нам необходимо собрать ровно столько материала, сколько необходимо для понимания смысла сновидения. При этом ограничение количества, безусловно, должно производиться произвольно, в соответствии с кантовским принципом, который гласит, что «постигать» нечто — значит «познавать в той степени, в какой это нужно для нашей цели»¹. Например, предпринимая изложение причин французской революции, можно накапливать материал и включить в него не только историю средневековой Франции, но также греческую и римскую истории, что, конечно же, не является насущным «для поставленной цели», поскольку революционную предысторию вполне можно понять из куда менее обильного материала. Следовательно, для сновидений мы должны собирать материал лишь до тех пор, пока нам кажется необходимым это делать для извлечения из сна его истинного значения.

За пределами указанного выше произвольного ограничения материала исследователь не может действовать по собственной воле. Накопленный материал необходимо теперь просеять и изучить в соответствии с принципами, которые всегда применяются при работе с историческим и вообще любым эмпирическим материалом. По сути, это сравнительный метод, и он, разумеется, не прилагается к мате-

---

¹ См.: Die Logik, p. 377. [Рус. пер. и источник цитаты. — Кант И. Логика// Собрание сочинений: в 8 т. М., 1994. Т. 8. / Перевод И. Маркова, В. Жучкова. — Ред.]

риалу автоматически: в значительной степени все обусловливается умениями исследователя и стоящими перед ним задачами.

Когда объяснению подлежит какой-либо психологический факт, нельзя забывать о том, что все психологические данные требуют рассмотрения с двух точек зрения — с *каузальной* и с *финалистской*. Я намеренно употребляю слово «финалистский», чтобы избежать путаницы с телеологией. Под «финальностью» я подразумеваю имманентное психологическое стремление к цели. Вместо «стремления к цели» можно было бы сказать «ощущение цели». Все психологические явления обладают таким стремлением, даже простейшие реакции наподобие эмоциональных. Гнев, вызванный оскорблением, имеет своей целью месть, а цель показной скорби состоит в возбуждении у окружающих сострадания, и т.д.

Применяя каузальную точку зрения к материалу, связанному со сновидениями, мы редуцируем явное содержание сна до каких-то основополагающих мотивов или идей, присутствующих в этом материале. Как и следовало ожидать, такие мотивы и идеи по своей природе элементарны и носят обобщенный характер. Например, одному юноше снилось следующее: «Я стою в чужом саду и срываю с дерева яблоко. Я осторожно оглядываюсь и проверяю, что меня никто не видит».

Ассоциативный материал сновидения — это воспоминание о том, как однажды в детстве наш юноша сорвал без позволения несколько груш в соседском саду. Угрызения совести — важная черта сновидения — напоминают ему о ситуации, пережитой нака-

нуне. Он встретил на улице молодую даму, свою случайную знакомую, и перекинулся с нею парой слов. В тот миг мимо проходил один его знакомый, и юношу внезапно настигло странное смущение, как если бы он сделал что-то запретное. Яблоки из сна он ассоциировал с искушением в Эдемском саду и с тем фактом, что сам никогда не понимал, почему вкушение запретного плода повлекло за собой столь печальные последствия для наших прародителей. Он всегда злился, всегда думал, что Бог поступил несправедливо, ведь люди созданы Им по Своему подобию, а любопытство и жадность присущи человеку изначально.

Другая ассоциация — это наказание от отца, поведение которого тоже казалось нашему юноше необъяснимым. Суровее всего его наказали, когда застигли за подглядыванием за девушками во время купания. Дальше последовало признание в том, что недавно у этого юноши случился роман с одной горничной, но он еще не довел любовную историю до естественного завершения. Вечером накануне того сновидения у него было свидание с этой девушкой.

Изучая этот материал, нетрудно заметить, что сон содержит практически прямую отсылку к событию, случившемуся накануне вечером. Ассоциативный материал показывает, что эпизод с яблоками надлежит трактовать как эротическую сцену. По ряду других причин можно также счесть вполне правдоподобным, что в сновидение проник опыт минувшего дня. Во сне молодой человек срывает райское яблоко, которое в реальности он пока сорвать не успел. Остаток материала, связанного со

сновидением, затрагивает другой опыт прожитого дня, а именно угрызения совести, которые охватили юношу, когда он беседовал со случайно встреченной дамой. Перед нами также отсылка к грехопадению в раю и вместе с тем — к эротическому проступку, совершенному в детстве, за который отец его строго наказал. Все эти ассоциации объединяет ощущение *вины*.

Сначала рассмотрим этот материал с каузальной точки зрения Фрейда, то есть, используя выражение самого Фрейда, «истолкуем» это сновидение. Желание осталось неутоленным со дня накануне сновидения. Во сне желание исполняется *символически* в эпизоде со срыванием яблока. Но почему это исполнение желания маскируется и прячется за символической формой, а не выражается в облике прямой фантазии сексуального содержания? Фрейд бы указал на очевидное чувство вины, присутствующее в материале, и отметил бы, что мораль, которая навязывалась этому молодому человеку с самого детства, направлена на подавление подобных желаний, а потому она преобразила естественный порыв в нечто постыдное и недостойное. В результате вытесненная болезненная мысль может выражаться только «символически». Раз такие мысли несовместимы с моральным содержанием сознания, то некий психический авторитет — Фрейд назвал его цензором — мешает этому желанию предстать в сознании в явной, откровенной форме.

Рассмотрения сновидения с финалистской точки зрения, которую я противопоставляю каузальной точке зрения Фрейда, не означает — и это обстоя-

тельство необходимо всемерно подчеркнуть — отрицания причин сновидения; скорее здесь предлагается иное истолкование связанных со сновидением ассоциативных материалов. Факты остаются теми же самыми, но меняется критерий, по которому они оцениваются. Вопрос можно сформулировать следующим простым образом: какова цель этого сновидения? Какое следствие оно должно иметь? Такая постановка вопроса нисколько не произвольна, подобные вопросы можно задать по поводу любой психической активности. Спрашивать, почему и зачем, можно всегда, ведь любая органическая структура есть сложная сеть целенаправленных функций, каждая из которых, в свою очередь, может быть разложена на ряд индивидуальных проявлений, ориентированных целесообразно.

Ясно, что материал, добавленный сновидением к эротическому переживанию предшествующего дня, подчеркивает преимущественно чувство вины в эротическом действе. Та же самая ассоциация уже была воспроизведена в другом событии предшествующего дня — в случайной встрече с молодой дамой, когда у юноши вдруг и сами собою возникли угрызения совести, как если бы он в тот миг совершил нечто предосудительное. Это чувство отразилось в сновидении, причем оно было усилено ассоциациями с дополнительным материалом, а эротическое переживание предшествующего дня предстало в облике истории грехопадения, которое обернулось наисуровейшим наказанием.

Я утверждаю, что у сновидца проявилась бессознательная склонность или стремление представлять